

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

при гробѣ преподавателя семинаріи Василя Герасимовича Кирилловскаго *).

Не изъ любопытства и праздности, не для пустаго созерцанія и развлеченія собрались мы сюда, слушат., но чтобы отдать послѣдній долгъ одни-товарищу и другу, другіе-наставнику и руководителю, одни-близкому родственнику, другіе-доброму знакомому. И какую мрачную картину, какое печальное зрѣлище, представляетъ наше настоящее собраніе!... Тяжелыя думы легли на душу и грустью и печалью отразились на всѣхъ. Смерть близкаго для насъ существа, такъ преждевременно похитившая свою жертву, цѣпенѣющимъ холодомъ

*) Во время погребенія, предъ послѣднимъ прощаніемъ.

сковала чувство и затмила предъ нами проблескъ жизни развертывающейся природы. Тамъ, въ природѣ, теперь начало оживленія; здѣсь предъ нами явные признаки разложенія; тамъ ликование и радость, здѣсь сѣтованіе и плачь; тамъ торжество жизни, здѣсь торжество смерти. — И давно ли мы видѣли нашего дорогаго сотоварища, бесѣдующаго среди насъ, полного надеждъ, чуждаго и мысли о смерти! а теперь предъ нами одни только бранные остатки, готовые къ разложенію и разрушенію.

Но не одно только разрушеніе физическое, не одно только представленіе смерти набрасываетъ мрачную окраску на настоящее событіе. Грустнѣе и рѣзче отзывается въ душѣ нравственное потрясеніе съ потерей близкаго для насъ существа. И эта потеря навсегда, утрата безъ возврата тяжелымъ камнемъ ложится на сердце и будитъ въ душѣ тревожныя мысли и чувства. Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, безъ ущерба можно замѣнить утрату дорогаго товарища для сослуживцевъ? какъ безъ скорби, печали и сожалѣнія порвать нравственную связь между наставникомъ и питомцами, тѣсно соединенными общеніемъ, взглядами и убѣжденіями? Гдѣ взять словъ, чтобы утѣшить нѣжно любящую супругу, лелѣявшую въ усопшемъ надежду временнаго счастья и мирной жизни? гдѣ взять теплоты чувства, чтобы согрѣть это разбитое горемъ сердце, эту нравственно надломленную душу? Ни сознаніе общей участи смертныхъ, ни увѣренность въ полезной дѣятельности покойнаго во благо обществу и церкви, ни обильное утѣшеніе окружающихъ, — ничто не можетъ успокоить чувства, взволнованнаго вѣтромъ житейской невзгоды, ни что не можетъ залечить раны, причиненной и растравленной настоящимъ горемъ. — Время, правда, наложитъ свою печать забвенія на этотъ истиннѣ тяжелый моментъ въ жизни нашего кружка; пройдутъ годы, ослабнетъ впечатлѣніе и новыя горе и радость отодвинутъ на задній планъ отжившія чувства. Но время — безсильно предъ свѣжестію чувства и медленный врачъ въ сердечныхъ

невзгодахъ; оно пока не въ состояніи ослабить силы настоящаго впечатлѣнія.

Одно только можетъ утѣшать насъ въ настоящій разъ, что нашъ дорогой собратъ притекъ къ тихой пристани, покончилъ съ тѣми обуревающими тревоженіями житейскими, которыя мало по малу надламывали жизнь и можетъ быть сокрушили нѣкогда мощную волю.

Да, добрый другъ и товарищъ, ты успокоился отъ тревожившихъ твою душу заботъ, ты покончилъ съ этою брэнною жизнію и вступилъ на путь мира и мѣсто упокоенія. А что представляла для тебя эта жизнь, какъ не рядъ тяжелой борьбы и подавляющаго труда! Судьба была равнодушна къ тебѣ въ дѣтствѣ—въ родной твоей семьѣ, холодна—въ школѣ, не улыбнулась и даже отвернулась въ жизни.

Уже въ дѣтствѣ тебѣ приходилось ѣсть хлѣбъ, смоченный слезами твоихъ родителей и сквозь пѣжныя ласки матери ты чувствовалъ не разъ всю грусть сдавливающей нужды и тревожнаго горя. Но мать лелѣяла въ тебѣ надежду будущаго; ты жилъ пока минутною безпечностію настоящаго. Тяжелыя думы тогда еще не омрачали дѣтски—наивнаго чела твоего и минутное горе скоро забывалось подъ обаяніемъ дѣтски—випучей жизни и ребяческой безпечности.

Грустнѣе и безцвѣтнѣе протекла твоя жизнь въ школѣ: оторванность отъ семьи, холодный, безощадный эгоизмъ окружающихъ, жизнь монотонная—одинокая очерстила душу и рано воспитала любовь къ замкнутости и одиночеству. Дѣтскія житейскія радости и забавы скоро уступили мѣсто сухому труду и развившаяся отъ времени привычка къ нему стала на первомъ мѣстѣ. Триннадцати лѣтняя семинарская трудовая жизнь не сдвинула этой привычки и не ослабила въ тебѣ эвергіи. Ты хотѣлъ удовлетворить пытливый умъ высшимъ развитіемъ и осуществилъ это при первомъ удобномъ случаѣ. Судьба какъ будто протянула тебѣ руку помощи и оживила на время душу зарею будущаго. Въ самомъ трудѣ ты начи-

налъ уже предвкушать и наслажденія жизни: твоя будущая карьера—наставника семинаріи—казалась тебѣ блестящею и заманчивою. Идеалы и мечты тихой педагогической дѣятельности были руководною звѣздою на пути къ виднѣвшейся въ перспективѣ цѣли.

Ты вступилъ въ жизнь бодро, съ живѣйшимъ желаніемъ и увѣренностію принести посильную пользу обществу и церкви. И ты пошелъ прямою дорогою къ этой цѣли, въ надеждѣ встрѣтить сочувствіе и поощреніе своему труду. Но каково же было разочарованіе, когда вмѣсто одобренія и сочувствія пришлось тебѣ нерѣдко встрѣчать въ окружающихъ холодность и равнодушіе (окружающихъ) къ твоимъ идеямъ и стремленіямъ!. Да и кто станетъ цѣнить то, что не даетъ оцутительныхъ плодовъ, кто пожелаетъ отдать справедливость труду безъ прямыхъ очевидныхъ его послѣдствій!. А таковъ и есть трудъ преподавателя, брошенное зерно, которое, не замѣтное на пашнѣ, возрастаетъ только по времени.

Въ этой—то неощущеніи труда вслѣдствіе кажущейся бесплодности, можетъ быть, и положены были первые задатки тревожной правственной боробы и мучительнои жизни. Гибельный червь уже тогда, на первыхъ порахъ, закрался въ разбитую душу и медленно, но вѣрно, началъ подтачивать корни спокойствія и мирной дѣятельности. Къ этому присоединилась матеріальная скудость жизни. Бѣдность родной семьи всею тяжестью легла на молодые силы и потребовала усиленныхъ трудовъ и работъ. Мягкая, вѣжная душа твоя не могла равнодушно отнестись къ нуждамъ близкихъ родныхъ и ты не пожалѣлъ силъ, чтобы спасти ихъ отъ этихъ нуждъ. Эти же отягчающіе труды подавляющимъ образомъ дѣйствовали и въ твоей собственной семейной жизни, когда вмѣстѣ съ идеею труда со всею неумолимою строгостію сталъ на очередь вопросъ матеріальной обеспеченности твоей собственной семьи. Недостатокъ средствъ побуждалъ тебя къ излишнимъ трудамъ, а излишніе труды не замѣтно подтачивали твою жизнь. Силы

потрапились на мелочи, распатался организмъ; воля сдѣлала послѣднее усиліе и все погибло подъ тяжестью труда. — И вотъ пока награда за подвиги твои: печальная слеза, чугунная доска, да толстый слой земли....

Прости намъ, дорогой собратъ, эти, навѣянные твоею смертію, тяжелыя думы и прими послѣднее къ тебѣ цѣлованіе съ молитвою ко Отцу свѣтовъ, да вчинить душу твою въ мѣстѣ злачнѣ, въ мѣстѣ покойнѣ, идѣже вси праведніи упоковаются.

А. Спасскій.